

Впрочем, если разобраться, Чэнь Цинъянь не вызывал у него отторжения. За исключением некоторого упрямства, этот парень был лишён недостатков.

Что касается положения в обществе — он был сыном зажиточного помещика, чья семья владела сотнями му земли. Сам же Ван Ин — всего лишь нелюбимый деревенский гэ'эр. Не выйди он за Чэнь Цинъяня, его судьбой, скорее всего, стал бы брак с каким-нибудь крестьянином и жизнь, проведённая в полях.

Если говорить о внешности, то Чэнь Цинъянь был на редкость хорош собой. Болезнь иссушила его, лишив всякой привлекательности, но за последнее время он немного поправился, и с первого взгляда становилось ясно — перед тобой статный, красивый молодой человек. В прошлой жизни такого бы точно записали в «молодые дарования» и отправили покорять сцену.

Что до образованности, то ему, семнадцатилетнему юноше, уже покорились «Четверокнижие», «Пятикнижие», «Три истории» и математика. Ван Ину, со всем его университетским образованием, едва ли удалось бы с ним сравниться.

К тому же у него не было дурных привычек: он рано ложился и рано вставал, не пил, не играл в азартные игры и был чистоплотен. Каждый день он либо читал и упражнялся в каллиграфии, либо занимался физическими упражнениями.

Если так посмотреть, он и впрямь был неплохим спутником жизни.

«Ладно, пусть всё идёт своим чередом, — решил Ван Ин. — В мире нет ничего идеального». К тому же, сейчас он не мог его покинуть. Возможно, со временем он привыкнет.

Ван Ин поднялся, размял затёкшие кости и принялся за работу на своём участке. После сбора урожая пшеницы он разделил экспериментальное поле на три части. На одной он продолжил сеять пшеницу, другую засадил распространёнными овощами, а третью оставил пустой, планируя пересадить туда несколько фруктовых деревьев, чтобы и зимой лакомиться свежими плодами.

Пока он с энтузиазмом трудился в поле, Чэнь Цинъянь места себе не находил снаружи.

Последние два дня ему казалось, что Ван Ин его избегает. Причина, по которой он не рассказал всё дяде, была не в гордости. Разве мог он из-за пустого самолюбия отказаться от своего будущего?

С тех пор как его отстранили от экзаменов, он изучил множество книг и исторических записей. Во все времена ученики, отстранённые за мошенничество, практически никогда не получали второго шанса. Например, в двенадцатый год эры Ухэ великий талант из Сучжоу, Лян Люфан,

был отстранён от провинциальных экзаменов из-за клеветы и навсегда лишился права участвовать в них. В гневе он написал сорок семь стихотворений, в которых обличал предавших его друзей и несправедливость властей.

Если уж такой известный учёный муж не смог добиться пересмотра дела, то какой шанс был у него, безвестного туншэна?

Чэнь Цинъянь тяжело вздохнул, поднялся, зажёл лампу и, опираясь на стену, медленно подошёл к столу, намереваясь найти книгу, чтобы развеять тоску.

На столе, как нарочно, лежала та самая книга о гэ'эрах. Он нашёл её в кабинете отца; кто знает, сколько лет она там пролежала. Вероятно, её купили, когда матушка была беременна.

Он поправил фитиль, свет стал ярче, и Чэнь Цинъянь принялся внимательно листать страницы.

Начало было вполне обыденным, с общими сведениями о гэ'эрах. Увидев иллюстрации беременности, он лишь слегка покраснел. Но когда он дошёл до последней страницы... он просто остолбенел.

«Это... это что такое?»

Чэнь Цинъянь резко захлопнул книгу. Лицо его пылало так, что, казалось, от него вот-вот пойдёт пар. Какое бесстыдство! Неудивительно, что Ван Ин после прочтения начал его избегать!

В тот самый момент, когда Чэнь Цинъянь сгорал от стыда и негодования, из экспериментального поля вернулся Ван Ин.

— Ты... ещё не спишь?

Чэнь Цинъянь, словно напуганная птица, суетливо попытался спрятать книгу. Но, как это часто бывает в спешке, всё пошло наперекосяк. Книга не только не спряталась, но и упала со стола на пол, раскрывшись, по иронии судьбы, на последней странице.

...

...

...

В воздухе повисла неловкая тишина. Ван Ин кашлянул и бросил на него многозначительный

взгляд.

— Твоё здоровье только пошло на поправку, так что соблюдай умеренность.

— Ты неправильно понял...

— Отдыхай. Я пока схожу в отхожее место, — тактично произнёс Ван Ин, оставляя ему личное пространство.

Когда он вернулся через полчетверти часа, Чэнь Цинъянь уже лежал в постели с закрытыми глазами. Было непонятно, спит он или притворяется.

Ван Ин на цыпочках забрался на кровать и, не раздеваясь, лёг у самой стены. Между ними могло бы поместиться ещё двое взрослых мужчин.

— Я знаю, что ты не хотел выходить за меня, — внезапно произнёс Чэнь Цинъянь. — Теперь, когда моё здоровье почти восстановилось, ты можешь уйти в любой момент, если захочешь развода.

— Кто тебе такое сказал? Ничего подобного! — «Если я уйду, как же я буду пользоваться экспериментальным полем?»

— Ван Ин, ты ведь на самом деле не отсюда, верно?

— П-почему ты вдруг так решил?

— Я просил дядю Чэня разузнать о тебе. Он сказал, что до замужества ты был тихим и неразговорчивым гэ'эром, редко общался с людьми и не умел читать.

«Чёрт, так он уже давно меня подозревал».

— Я видел здешних деревенских жителей, — продолжал Чэнь Цинъянь. — Большинство из них простые, немногословные и говорят грубо. Ты совсем на них не похож. Ты вообще ни на кого здесь не похож.

Ван Ин повернулся к нему и решил припугнуть:

— А может, я дух-оборотень? Не страшно?

«Я знаю, что это не так», — мысленно ответил Чэнь Цинъянь. — «А даже если и дух, то добрый».

— Я и вправду не дух. Раньше не говорил, потому что боялся напугать тебя. На самом деле я пришёл из другого мира. Там я был студентом, на несколько лет старше тебя, и изучал сельское хозяйство.

— Похоже на учеников из Министерства земледелия?

— Вроде того. Я осматривал поля, случайно упал в колодезь, а когда очнулся, уже был здесь, в теле другого Ван Ина.

— Я понял. Я читал похожие истории в сказках. Один человек заснул, а проснувшись, обнаружил, что поменялся душой с домашним скотом. Животное стало человеком, а человек — животным.

Ван Ин горько усмехнулся:

— Мне повезло чуть больше. Я из мужчины превратился в гэ'эра.

Чэнь Цинъянь замолчал. Теперь он понимал, почему тот так настойчиво хотел дружить с ним как с братом.

После долгой паузы он сказал:

— Если ты... хочешь, чтобы мы были как братья, я не против.

Ван Ин радостно придвинулся к нему:

— Я так и знал, что ты хороший парень!

Глядя на то, как тот отбросил всякую настороженность, Чэнь Цинъянь слегка улыбнулся. Неважно, в каких они будут отношениях, главное, чтобы он оставался рядом.

Этой ночью Ван Ин спал беспокойно. В полудрёме ему приснилось несколько снов.

Сначала он увидел себя в прежнем мире. Дом его дедушки и бабушки подлежал сносу, за что им выплатили компенсацию в несколько миллионов и предоставили новую квартиру. Слухи о сносе ходили и в его прошлой жизни: на месте их дома собирались строить курорт. Говорили об этом годами, но застройщик так и не находился, и всё оставалось по-старому. А во сне всё свершилось.

Внезапно все родственники и друзья, с которыми он давно не общался, стали проявлять к нему небывалый интерес.

Мать и отец один за другим звонили, спрашивая, как у него дела и как учёба.

Ван Ину это казалось смешным. Когда у него не было денег, им не было до него дела. А теперь, когда он вырос и мог не беспокоиться о деньгах, они вдруг вспомнили о нём.

Он был не дурак и, конечно, не собирался с ними общаться. Деньги он положил в банк и продолжил учиться.

Вскоре мать попросила у него в долг, сказав, что им не хватает на покупку дома.

Когда Ван Ин отказал, она подала на него в суд, заявляя, что дом принадлежал его родителям, а значит, она — первая наследница. Её бесстыдство вызывало омерзение.

Когда-то, когда бабушка тяжело болела, он звонил ей, просил приехать и позаботиться о ней. Она всячески отнекивалась, ссылаясь на занятость. А теперь, когда дело дошло до борьбы за дом, время у неё нашлось.

К счастью, дед перед смертью оформил дарственную на Ван Ина, поэтому дом принадлежал ему, и мать не имела на него никаких прав.

Не получив денег, она устроила скандал в университете. Каждый день она сидела под окнами его общежития и кричала, что Ван Ин — неблагодарный сын, пытаясь давить на жалость и выставить его в дурном свете. В конце концов, он не выдержал и съехал.

Следом объявился и отец. Он просил денег, утверждая, что у него рак и ему нужна химиотерапия. Эти двое прилипли к нему, как саранча, и от них было невозможно избавиться.

Во сне Ван Ин плакал от обиды, всё было настолько реально, будто происходило наяву.

Картина сна медленно сменилась. Из современного мира он перенёсся в древний. Он сидел в купальной бочке, и густой белый пар застилал ему глаза.

Внезапно кто-то обнял его со спины. Соприкосновение кожи заставило его вздрогнуть.

Губы незнакомца были прохладными. Они скользнули по его виску, оставляя за собой влажный, щекочущий след.

Ван Ин почувствовал, что его дыхание сбилось. Он попытался повернуться и оттолкнуть

незнакомца, но его запястья перехватили и завели над головой, а затем на него обрушился шквал страстного поцелуя.

Он невольно приоткрыл рот, и в тот же миг горячий язык настойчиво проник внутрь, заставляя его захлебываться слюной и ронять слёзы. Во сне он не мог сопротивляться, лишь пассивно принимая этот поцелуй.

В прошлой жизни он никогда не целовался и не знал, что от одного поцелуя можно так потерять голову. По всему телу пробежала томная, сводящая с ума дрожь.

Он почувствовал, как рука скользнула вниз по его талии, и в тот момент, когда она уже готова была сжать его... его разбудил крик петуха.

Ван Ин открыл глаза и посмотрел на мирно спящего рядом Чэнь Цинъяня. Лишь спустя мгновение он понял, что это был всего лишь сон.

Он сунул руку под одеяло, и его лицо мгновенно стало пепельным... «Всё, кажется, я и впрямь становлюсь геєм».

Третья тётушка пробыла в деревне несколько дней и уехала обратно в уезд. Дом сразу опустел.

Ван Ин решил съездить в поместье. Просо на полях почти созрело, и он собирался отдать часть пшеницы из экспериментального поля управляющему, чтобы тот посадил её и проверил урожайность в здешних условиях. Через некоторое время он откроет лавку, и времени на поездки уже не будет.

Чэнь Цинъянь тоже захотел поехать.

— Ты выдержишь? — забеспокоилась госпожа Ли.

— Ничего страшного. Дома сидеть скучно, съезжу с А-Ином в поместье, проветрюсь.

Чэнь Цинъюнь, побывав там однажды, ехать отказалась. В поместье не было ничего интересного, уж лучше дома вышивать. Чэнь Цинсун должен был идти в школу и снова не смог поехать. Ван Ин пообещал привезти ему плетёную из травы игрушку, и только тогда мальчик, обиженно надув губы, отправился с Цю Анем на учёбу.

Для удобства Чэнь Цинъяня взяли с собой и кресло-каталку. Дядя Чэнь правил повозкой, а они вдвоём сидели внутри.

Глядя в окно, Ван Ин снова вспомнил ночной сон и украдкой бросил взгляд на губы Чэнь Цинъяня.

«А губы у него красивые, розовые, мягкие на вид... Интересно, какие они на вкус... А-а-а! О чём я только думаю!»

Ван Ин схватился за голову и принялся биться ею о стенку повозки.

— Сиди смирно, — нахмурился Чэнь Цинъянь. — Не хочешь сидеть в повозке — вылезай и тащи её вместе с мулом!

...

«Так, всё, я снова натурал!»

<http://bllate.org/book/15812/1428570>